

Прочитав письмо, Фэн Цинь залился слезами.

Он уже не помнил, когда в последний раз плакал. Даже когда умер его родной брат, он не проронил ни слезинки.

В письме, помимо слов, адресованных Фэн Циню, содержалось несколько коварных планов, в которых советовали ему быть осторожным с новым императором и, если потребуется, действовать согласно им.

Только тогда Фэн Цинь осознал, что любит Цзян И. Его характер был не из лучших, а к чувствам он был тугодумом: возможно, он любил его давно, просто не отдавал себе в этом отчёта. А теперь... всё было слишком поздно.

У Фэн Циня осталась лишь одна мысль — убить Фэн Цюэ и отомстить за Цзян И.

Что же до ненависти Цзян И к нему... Когда он попадёт в ад, то предоставит Цзян И распоряжаться своей судьбой как угодно.

Сяфэн, доставив письмо, разбился головой о дверной косяк и последовал за Цзян И в мир иной.

Фэн Цинь немедленно отправил людей связаться с генералом Пиннаня.

В тот момент генерал Пиннань также был полон скорби и гнева. Раньше он полагал, что Фэн Цюэ станет спасательной соломинкой для Цзян И, но оказалось, что тот был всего лишь орудием.

Конечно, генерал ненавидел и Фэн Циня, но сейчас только Фэн Цинь мог сразиться с Фэн Цюэ, и только он мог отомстить за Цзян И.

Таким образом, две стороны объединились и, используя свои армии и стратегии, оставленные Цзян И, успешно узурпировали трон.

Вернувшись во дворец, Фэн Цинь сидел на кровати, потерянно уставившись в пространство.

— Ваше Величество, вдовствующая императрица только что прислала кисель из лotosового корня с османтусом. Не угодно ли вам попробовать его, пока он горячий? — Юсин осторожно поставил на стол миску с киселём, от которой исходил аромат османтуса.

Если в этот кисель добавить несколько вымоченных и разваренных лotosовых семян, получится любимый десерт Цзян И.

Фэн Цинь внезапно почувствовал себя невыносимо уставшим, как никогда раньше. Лицо Цзян И снова и снова возникало перед его глазами, и он вдруг вспомнил день похорон Цзян И.

В тот день он вернулся в столицу, но Фэн Цюэ ничего не сказал.

Фэн Цинь долго стоял перед гробом, глядя на лишённое крови лицо Цзян И, сжимая кулаки так сильно, что хрустели суставы.

В тот день, когда он не выдержал и хотел забрать гроб, с тела Цзян И, пролежавшего так много дней и не источавшего запаха глена, вдруг начали исходить струи зелёного света. Это был очень бледный зелёный свет с лёгким тёплым жёлтым оттенком, удивительно красивый.

Фэн Цюэ испугался на месте. Фрейлины, евнухи и служанки дворца тоже перепугались,

судорожно закрывая рты руками, чтобы не закричать.

Лишь генерал Пиннань и брат Цзян И сохраняли спокойствие, словно знали, в чём дело.

Зелёный свет продолжался примерно время, нужное для того, чтобы выпить чашку чая, а затем медленно угас.

Фэн Цюэ не осмелился подойти, чтобы закрыть крышку гроба. Он отлично понимал, что именно он, угрожая жизнью и благополучием всего рода Цзянов, довёл Цзян И до смерти.

Фэн Цинь не обратил на Фэн Цюэ никакого внимания и собственноручно закрыл крышку гроба.

В этот момент небо внезапно заволочли тучи, и раздался гром, заставивший людей поспешно прикрыть уши.

Фэн Цинь провёл рукой по крышке гроба и тихо произнёс:

— Небо тоже считает, что ты умер несправедливо?

В ответ раздался лишь ещё более яростный раскаты грома.

Одна из молний ударила в чертог Восходящего Солнца, проломив огромную дыру в крыше.

Это был очень плохой знак.

Из-за такого шума жители города тоже всё видели. А после того как чертог Восходящего Солнца задело молнией и он задымился, среди простого народа начали ходить слухи: стоило мужской императрице умереть, как Небо отвернулось от нового императора.

Именно под этим предлогом Фэн Цинь поднял мятеж и тем самым завоевал поддержку народа.

Фэн Цинь закрыл глаза, чувствуя, что гром того дня снова раздаётся у него в ушах.

Внезапно перед глазами Фэн Циня всё помутилось в белой пелене, он потерял сознание и упал на пол...

Когда он открыл глаза и увидел резной узор на потолке кровати, его зрачки мгновенно сузились. Это была не его кровать во дворце, а кровать в резиденции князя Люя!

Сжав кулаки, он почувствовал напряжение мышц и силу сжатия ладоней. Это давало ему понять, что ему не снится.

Но что же произошло?

Он повернул голову и осмотрелся. Резкая боль в голове заставила его нахмуриться.

В комнате никого не было, а обстановка была такой же, как при нём в резиденции князя Люя. В воздухе стоял лёгкий запах сандала, в котором смешивались ароматы сосны и кипариса.

Да, это были благовония, которые он часто использовал в резиденции. Их случайно обнаружил его дядя во время одного из военных походов и привёз ему. Фэн Цинь пользовался ими вплоть до отъезда из столицы в свои владения.

Убедившись, что это не сон и что он действительно находится в резиденции князя Люя, Фэн

Цинь сел, придерживая время от времени ноющий висок, и окликнул:

— Юсин.

Дверь комнаты тут же отворилась снаружи, и Юсин вприпрыжку подбежал к кровати, восклицая:

— Ваше Высочество, вы проснулись?

Фэн Цинь внимательно осмотрел Юсина: тот действительно выглядел так же молодо, как в то время, когда они жили в резиденции.

— Что со мной случилось?

— Ваше Высочество, вы не помните? — Юсин подошёл и поправил подушки, чтобы Фэн Цинь мог удобно опереться. — Позавчера вы любовались снегом в беседке Вансин и ели горячее, но немного перепили и уснули там. Когда я пришёл будить вас, у вас уже поднялась температура.

Фэн Цинь быстро вспомнил: такой случай действительно был.

В ту зиму снег долго не выпадал. Только после Нового года, ближе к весне, наконец-то повалил крупный снег.

Он не был любителем любоваться снегом, но в поместье только что привезли свежую говядину и баранину, и он подумал, что в такой холод отлично будет съесть горячее блюдо, поэтому приказал Юсину всё приготовить.

Как раз за два дня до этого достали выдержанное летнее лotosовое вино, и он выпил лишнего.

Вино ударило в голову, ему стало жарко, и он открыл окно. Собирался лишь немного отдохнуть на тахте, но неожиданно уснул и заработал простуду.

За этот проступок его мать, драгоценная супруга Чжэнь, лишила Юсина годового жалования в качестве малого наказания.

Поскольку это был единственный раз в его жизни, когда он напился и заболел прямо в беседке Вансин, он запомнил это особенно ясно.

— В последние дни что-нибудь происходило? — спросил Фэн Цинь.

В остальном он помнил смутно, но отчётливо помнил, что Цзян И приехал в резиденцию в тот самый день, когда он выздоровел.

Юсин подумал немного и ответил:

— Ваше Высочество, со стороны дворца новостей нет, только драгоценная супруга Чжэнь вызывала меня для разговора и велела передать кучу укрепляющих средств. Князь Сян приходил позавчера и вчера, но вы всё время спали без сознания, так что он оставил придворного врача жить в резиденции. Врач вернётся во дворец только когда вы поправитесь.

Фэн Цинь кивнул.

— Ах, да, ещё одно дело: двор Шэнпин, который вы приказали подготовить, уже убран. Позже, когда придёт молодой господин Цзян, он сможет там поселиться.

Значит, он помнил правильно, Цзян И действительно должен был прибыть сегодня.

— А двор Утренней Росы убран? — спросил Фэн Цинь.

— Его постоянно убирают.

— Пусть Цзян И живёт во дворе Утренней Росы, — распорядился Фэн Цинь.

Воля хозяина для слуги не подлежит сомнению, и Юсин тотчас ответил:

— Слушаюсь, я сейчас же велю людям перенести обстановку во двор Утренней Росы.

Фэн Цинь отпустил Юсина и снова лёг на кровать.

В прошлом, когда Цзян И только приехал, он жил в дворе Шэнпин. Позже, когда они «признались друг другу в чувствах», он переехал во двор Утренней Росы, который находился ближе всего к главным покоям.

Юсин вышел ненадолго, и скоро пришёл врач, чтобы проверить пульс.

Убедившись, что Фэн Цинь уже здоров, врач оставил рецепт укрепляющего лекарства и вернулся во дворец с докладом.

К вечеру карета семьи Цзян остановилась у задних ворот резиденции князя Люя.

Юсин с домашней прислугой вышел встречать их, а Фэн Цинь сидел в главном зале и ждал.

Не то чтобы он не хотел выйти, он просто не знал, как лучше встретиться с Цзян И. Он, великий князь, который сохранял бесстрастность перед тысячами войск, теперь робел перед одной мыслью о встрече с Цзян И — зрелище редкое.

Вскоре Юсин привёл Цзян И в зал приёмов. Человек, приехавший с Цзян И из семьи Цзян, был по-прежнему Сяфэн.

— Простолюдин Цзян И приветствует князя Люя, — Цзян И опустился на колени и поклонился. Голос его был тихим и слабым, не таким звонким, как при их первой встрече в прошлой жизни.

— Встань, — Фэн Цинь старался выглядеть спокойнее. Он не встал, чтобы подать ему руку, но сердце уже горело жаром.

Цзян И поднялся и встал в стороне, опустив глаза и промолчав.

Фэн Цинь хотел рассмотреть Цзян И, увидеть это лицо, такое знакомое и в то же время чужое.

— Подними голову.

Цзян И послушно поднял голову, и его равнодушный, лишённый всякого живого огня взгляд встретился с глазами Фэн Циня.

Брови Фэн Циня невольно дрогнули, и жар в сердце словно залили ведром ледяной воды — не потух, но стало больно.

Он помнил, что в прошлой жизни при первой встрече взгляд Цзян И был таким чистым, таким светлым, полным доброты и невинной простоты.

Но теперь взгляд Цзян И был настолько холодным и безжизненным, словно в нём таились тысячи мыслей, словно жизнь стёрла его невинность и наивность...

Более того, лицо Цзян И было бледным, на губах не было ни капли крови, даже под меховой накидкой он казался хрупким, вялым и лишённым сил.

Неудивительно, что его голос был таким слабым. Но Фэн Цинь помнил, что когда Цзян И только приехал в резиденцию, его здоровье было вполне хорошим.

<http://bllate.org/book/16585/1515290>